

Е.В. АНИСИМОВ

РОССИЯ
В СЕРЕДИНЕ
XVIII ВЕКА

Борьба за наследие
Петра

ВВЕДЕНИЕ

Время правления императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.) не принадлежит к периодам русской истории, хорошо изученным в отечественной и зарубежной историографии. Царствование Елизаветы, как и ее предшественников на троне — Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны, остается как бы в тени грандиозной эпохи реформ первой четверти XVIII в. Именно этим следует, вероятно, объяснять малочисленность научной литературы по истории России сразу после смерти Петра I и до царствования Екатерины II.

В работах исследователей XIX в. основное внимание уделялось, во-первых, накоплению фактов, относящихся к правлению Елизаветы, и, во-вторых, попытке рассмотреть этот период в общем контексте так называемой эпохи дворцовых переворотов (1725—1762 гг.), ознаменовавшейся нестабильностью политической жизни страны. Естественный для исторической науки процесс накопления фактов о рассматриваемом времени в первой половине XIX в. искусственно сдерживался самодержавием, хранившим документы «скандального» XVIII в. под семью замками. Именно поэтому книги и статьи А. Вейдемейера, Н. А. Полевого, И. Шишкина, С. В. Ешевского, П. К. Щебальского и др.¹ строились на бедном материале редких документальных публикаций. Лишь некоторым из историков (М. И. Семевскому, К. И. Арсеньеву *) удалось ввести в оборот новые источники.

В оценочном плане историческая наука XIX в. постепенно отказывалась от объяснения частой смены власти «разгулом страстей», пороками тех или иных правителей и фаворитов и пришла к пониманию послепетровского периода как вполне закономерного продолжения петровской эпохи реформ. Исчезло и пренебрежительное отношение к правлению Елизаветы и ее личности, характерное для времен Н. М. Карамзина. Наоборот, царствование дочери Петра Великого стало идеализироваться и рассматриваться как период возрождения забытого петровского наследия. Подобная трактовка сложилась в историографии в значительной степени в результате некритического вос-

приятия официальных документов елизаветинской поры, преследовавших цель упрочения Елизаветы на престоле и проводивших доктрину о преемственности дочерью «начал» великого отца.

В рамках концепции «возвращения к правилам Петра Великого» написаны и посвященные времени Елизаветы четыре тома «Истории России с древнейших времен» выдающегося русского историка С. М. Соловьева³. Его гигантский труд до сих пор остается уникальным по количеству собранного в нем архивного материала. Однако в этом потоке фактов историк не сумел выделить главные моменты, определяющие характер развития страны и политики ее правительства. С. М. Соловьев отступил от присущего первым томам его «Истории» критического отношения к своим источникам и ограничился апологетической оценкой личности Елизаветы Петровны и дел ее правительства. Кроме того, проявляя исключительный интерес к политической истории, он подробно не рассматривал экономическую, социальную, культурную и бытовую жизнь людей того времени.

Следующий шаг в осмыслении времени Елизаветы и вообще «эпохи дворцовых переворотов» был сделан в лекциях В. О. Ключевского, впервые употребившего этот термин, а также в статьях, книгах, лекциях С. Ф. Платонова, Н. Н. Фирсова, М. М. Богословского и др.⁴ Много свежих и интересных идей, не устаревших и поныне, высказал В. А. Мякотин. Считая дворцовые перевороты верхушечными, касавшимися только «политического быта» дворянства, он особо подчеркивал, что значительное упрочение экономических и политических позиций дворянства в послепетровскую эпоху произошло на базе резкого усиления режима крепостного права⁵.

Советская историческая наука, опираясь на фундамент позитивных знаний предшествующей историографии и принципиально новую, марксистско-ленинскую методологию в их оценке, продолжила изучение послепетровского времени. Основное внимание в литературе 50-х — первой половины 60-х годов было уделено аспекту, остававшемуся в забвении в дореволюционной историографии, — социально-экономической жизни страны. Работы на эту тему обогатили наши представления о путях развития промышленности, торговли, сельского хозяйства, экономической политики в период правления Елизаветы; позволили выявить динамику развития крепостного права, проявления классовой борьбы, особенности социальной структуры общества первой половины XVIII в.⁶ В ряде обобщающих

трудов, опубликованных в 50—60-е годы, содержатся принципиальные оценки всей «эпохи дворцовых переворотов», в том числе и времени Елизаветы⁷. В них констатируется, в частности, что политические перевороты послепетровского периода по своему характеру не выходили за рамки внутриклассовой борьбы значительно усилившегося дворянства; что ведущей тенденцией во всех сферах жизни страны являлось упрочение крепостничества; что ни в экономическом, ни в культурном смысле послепетровская эпоха не только не была временем упадка или застоя, но наоборот, динамика экономического развития получила в рассматриваемое время дальнейшее ускорение, что свидетельствовало о еще не исчерпанных до конца ресурсах феодального способа производства.

Но все же становится очевидным, что, чем лучше мы понимаем определяющие течения экономического и социального развития, тем больше проявляем мы интерес к политической истории, ибо можем оценивать ее глубже, чем наши предшественники. Однако работ по этой теме, освещающих события 40-х — начала 60-х годов XVIII в., в сущности нет. До сих пор остается актуальным высказанное 20 лет назад пожелание С. М. Троицкого о необходимости «уделить особое внимание исследованию конкретных проявлений противоречий внутри господствующего класса феодалов и тех форм, которые принимала борьба между отдельными прослойками феодалов в тот или иной период»⁸.

Автор данной книги не ставит этой задачи в полном объеме. Его цель более скромна — взглянуть на период правления Елизаветы с точки зрения накопленных современной наукой знаний, с учетом бесценного труда поколений историков, возводивших общее для нас здание исторической науки, и рассказать о нем в доступной для широкого круга читателей форме.

Кто хотя бы раз соприкоснулся с документами послепетровского времени, тот уже не останется равнодушным к тому, что произошло вслед за поражающей воображение эпохой петровских реформ. Послепетровский период, и в частности елизаветинский, не был «безвременьем», калейдоскопом событий придворной жизни. Он — одно из звеньев той непрерывной цепи событий, фактов, явлений, которая связывает нас с нашим прошлым. Именно в эти годы петровские преобразования показали свою жизнеспособность, прошли испытание временем, а Россия прочно утвердилась как одна из ведущих мировых держав.

За прошедшие после памятного 1725 г. два-три десяти-

летия «птенцы гнезда Петрова» либо уже сошли в могилу, либо доживали свои дни в удаленных от столицы поместьях. Одним словом, произошла смена поколений — неизбежный процесс обновления. Новые люди — младшие братья, сыновья и внуки победителей Полтавы и Гангута — были уже воспитаны иначе, по-иному смотрели на мир. В одно и то же время жили и работали те, без кого трудно представить историю и культуру России: Михаил Ломоносов, Александр Сумароков, Федор Волков, Варфоломей Растрелли, Федот Шубин, Антон Лосенко. Где-то рядом на полях сражений Семилетней войны могли оказаться поручик Григорий Орлов, подполковник Александр Суворов, донской казак Емельян Пугачев и десятки, сотни людей, с которыми был связан, как мы теперь знаем, следующий период русской истории — второй половины XVIII в. Судьбы этих и многих других людей тесно переплетались, как нити в основе старинного гобелена. Подойдем к этому гобелену истории поближе...

Автор искренне признателен всем, кто помог ему в работе над рукописью книги.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НАЧАЛА 40-х ГОДОВ XVIII в. ПЕРЕВОРОТ 25 НОЯБРЯ 1741 г.

5 октября 1740 г. за обедом императрица Анна Ивановна внезапно потеряла сознание. Ее перенесли в постель и позвали врачей. Болела Анна менее двух недель и 17 октября умерла. Это событие придворной жизни дало толчок нескольким переворотам, завершившимся через год возведением на престол Елизаветы Петровны.

Со смертью Анны Ивановны уходило в прошлое довольно мрачное десятилетие русской истории (1730—1740 гг.). Упадок государственной и культурной жизни, никчемные руководители, малорезультативная внешняя политика, обстановка всеобщей подозрительности и страха — все это было характерно для времени правления Анны Ивановны. Впоследствии оно получило название «бироновщина» — по имени фактического правителя Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского и Семигальского, — и прочно ассоциируется с господством иностранных временщиков, системой свирепого политического террора, жертвами которого становились и аристократы, и простолюдины — подлинные и мнимые противники фаворита и его клеветов.

Жизнь императрицы кончалась, но с нею не кончалась бироновщина — человек, имя которого не сходило с уст целое десятилетие, неотлучно находился у постели умирающей. Первый приступ болезни был очень сильным, и приближенным казалось, что царица вот-вот умрет. А между тем сорокашестилетняя бездетная Анна Ивановна, еще недавно совершавшая прогулки верхом и серьезно не болевшая все десять лет своего царствования, не предпринимала никаких шагов для назначения преемника престола.

Потенциальных кандидатов на трон было несколько. Из колена Ивана Алексеевича, старшего брата Петра Великого, ими были Елизавета Христина Екатерина (после перехода в православие — Анна Леопольдовна) — дочь старшей сестры императрицы Екатерины Ивановны (умерла в 1733 г.) и герцога Мекленбургского Карла Леопольда — и ее новорожденный (в браке с герцогом Брауншвейг-Люнебургским Антоном Ульрихом) сын Иван Анто-

нович. Из колена Петра Великого занять престол могли двенадцатилетний Карл Петр Ульрих — сын старшей дочери Петра Анны (умерла в 1728 г.) и голштинского герцога Карла Фридриха (умер в 1730 г.), а также младшая дочь Петра цесаревна Елизавета. Из всех кандидатов наибольшие шансы стать русским царем имел родившийся 18 августа 1740 г. принц Иван Антонович: об этом говорилось официально, и все знали, что Анна Ивановна хотела оставить наследником престола своего внучатого племянника, хотя завещание еще не было составлено. Более того, несмотря на тяжелое состояние, Анна отказывалась подписать срочно подготовленный А. И. Остерманом и другими кабинет-министрами манифест о престолонаследии. Два дня Бирон и его сторонники уговаривали суеверную царицу поставить под ним подпись. Лишь 7 октября манифест был подписан и обнародован.

Сразу после этого внутри придворной камарильи развернулась упорная борьба за место регента — ключевое в перспективе царствования ребенка-императора. Главным кандидатом в регенты был Э. И. Бирон, уже давно стремившийся узаконить свою власть. Но важно заметить, что он хотел стать регентом не просто в силу подписи умиравшей царицы, а как бы по желанию дворянства. Боявшиеся всесильного временщика высшие сановники в дни, когда царица могла еще поправиться, были поставлены в такое положение, что сами просили Бирона стать в случае ее смерти регентом, собирали подписи и ходили с делегацией к Анне Ивановне. Эта кампания должна была убедить Анну подписать указ о регентстве Бирона, обеспечить хотя бы видимость законности его будущего господства и одновременно связать высшую администрацию государства общей поручкой. Но 7 октября царица почувствовала некоторое облегчение, и документ несколько дней пролежал под ее подушкой неподписанным. Лишь перед самой смертью, уступив просьбам Бирона и его клеветов, она подписала указ. Сразу после кончины Анны завещание было распечатано и оглашено генерал-прокурором Сената Н. Ю. Трубецким, а на следующее утро новому императору Ивану VI Антоновичу (в источниках упоминается и как Иоанн III) и регенту Э. И. Бирону присягнули войска и жители столицы. И никто в тот день не мог подумать, что регентство Бирона продлится всего три недели¹

Согласно завещанию Анны Ивановны, до семнадцатилетия Ивана Антоновича Бирон получал практически неограниченную власть во внутренних и внешних делах. Он мог заключать международные трактаты «как бы от само-

го... императора», быть главнокомандующим армии и флота, ведать финансами и «о всех прочих государственных делах и управлениях такие учреждения учинять, как он, по его рассмотрению, запотребно в пользу Российской империи изобретет»². Более того, в случае смерти Ивана VI Антоновича и возведения на престол следующего по старшинству сына герцога Брауншвейгского Бирон мог продлить свое регентство.

Но уже первые дни правления Бирона показали шаткость его положения. Если церемония присяги прошла спокойно, то несколько дней спустя платные шпионы и добровольные соглядатаи, которые, по выражению арестованного поручика П. Ханыкова, «у регента на ухе лежат», стали сообщать о том, что среди дворян, горожан и особенно гвардейцев участились случаи проявления недовольства господством Бирона. Доносы свидетельствовали, что в среде чиновничества и гвардии назревал заговор в пользу фактически отстраненных от правления родителей ребенка-императора, и в первую очередь в пользу его отца принца Антона Ульриха. Немедленно последовали аресты. Установив в ходе следствия непосредственную связь некоторых арестованных с принцем, Бирон 23 октября устроил ему публичный допрос. После того как в присутствии высших чинов государства Антон Ульрих признался, что хотел отстранить регента от правления, Бирон, угрожая отставкой, «предоставил» собравшимся выбор между собой и принцем. Сановники единодушно просили Бирона властвовать над ними и далее. Немаловажно, что перед этим они прослушали суровую речь начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова, угрожавшего отцу царя поступить с ним при необходимости «так же строго, как с последним подданным»³. В итоге, используя «единодушие» запуганной знати, Бирон получил ее согласие и отстранил принца от военных должностей.

Одновременно, чтобы покончить со слухами о подложности акта о регентстве, Бирон заставил всех присутствующих заверить подписями и личными печатями подлинность манифеста о регентстве. «Демократизм» временщика, узурпировавшего власть в России на неопределенный срок, свидетельствовал о неустойчивости его положения и стремлении продлить свое господство всеми средствами, в том числе более или менее законными. Однако ни бумаги, ни публичные совещания не могли спасти Бирона. Он не имел реальной опоры в дворянской среде, для которой по-прежнему оставался иноземным чужаком, жестоким и жадным временщиком умершей императрицы. Не было

у него союзников и среди иностранцев — родственников Ивана VI Антоновича, а также в кругу высших чиновников и генералов. Став регентом, он не сумел погасить недовольство Брауншвейгской фамилии, не смог объединиться с А. И. Остерманом, К. Левенвольде и другими влиятельными сановниками. В результате группировка, стоявшая у трона двухмесячного императора, была расколота острым соперничеством.

Удар временщику нанес Б. К. Миних — активный участник возведения его в регенты, а затем и ближайший помощник. Для Бирона измена генерал-фельдмаршала была большой неожиданностью. Трудно понять мотивы, толкнувшие Миниха на переворот. Современники полагали, что, поддерживая притязания Бирона в дни болезни Анны Ивановны, фельдмаршал рассчитывал в период его регентства получить чин генералиссимуса и занять ведущее место в управлении империей. Однако Бирон сам входил во все дела и не давал свободы честолюбивому «столпу империи» (как Миних называл себя в мемуарах). Возможно, кроме того, Миних почувствовал изолированность Бирона и поэтому перешел на сторону оппозиционной временщику Брауншвейгской фамилии, имевшей, как тогда казалось, более надежную опору — сына на троне. Он тайно договорился об устранении Бирона от власти с Анной Леопольдовной, давно жаловавшейся всем на притеснения со стороны сурового и капризного регента.

В ночь на 7 ноября 1740 г. Миних с отрядом лишь в 80 гвардейцев направился к Летнему дворцу — резиденции регента. Караулы, состоявшие тоже из гвардейцев, быстро перешли на сторону заговорщиков. После этого Миних приказал своему адъютанту подполковнику К. Г. Манштейну войти во дворец и арестовать Бирона, а при попытке сопротивления — убить его. Когда Манштейн с солдатами ворвался в спальню регента, Бирон пытался залезть под кровать, а затем, как описывает сам Манштейн, «став наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец.

В то время, когда солдаты боролись с герцогом, герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спраши-

вая у Манштейна, что с ней делать. Он приказал отвести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая себя утруждать, сбросил ее на землю, в снег, и ушел...»

Манштейн, относившийся к Миниху не без иронии, отмечал, что фельдмаршал мог легко захватить Бирона в апартаментах Анны Леопольдовны, куда тот приходил без охраны, и не преодолевать многочисленные караулы, выставленные вокруг дворца, подвергая все предприятие ненужному риску. «Но,— пишет мемуарист,— фельдмаршал, любивший, чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском, избрал самые затруднительные средства»⁴.

Аресты, произведенные в ночь переворота, показывают, что число сторонников Бирона, на которых он мог опереться, было ничтожно. Были арестованы младший брат Бирона Густав и кабинет-министр А. П. Бестужев-Рюмин. Кроме того, послали гвардейцев в Москву и Ригу, чтобы захватить старшего брата Бирона Карла и зятя временщика генерала Бисмарка. Свержение Бирона застигло врасплох не только иностранных дипломатов, но и правящую верхушку России. Как сообщал английский посол Э. Финч, А. П. Бестужев-Рюмин при аресте недоумевал, «чем навлек на себя немилость регента», а А. М. Черкасский явился утром как ни в чем не бывало в апартаменты Бирона на очередное заседание Кабинета министров⁵. Все это, разумеется, облегчило переворот.

Победители сразу же занялись перераспределением власти и огромных богатств Бирона. 9 ноября 1740 г. был обнародован манифест, в котором Иван VI Антонович провозглашал, что Бирон, будучи регентом, «любезнейшим нашим родителям их императорским высочествам государю нашему отцу такое великое непочитание и презрение публично оказывать, и притом еще с употреблением непристойных угроз (намек на допрос принца 23 октября.— *Е. А.*), также дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, по которой (причине.— *Е. А.*) не только... любезнейшие наши государи родители, но и мы сами, покой и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли б... И для того,— продолжал двухмесячный император,— необходимо принуждены себя нашли по всеподданнейшему усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина оното герцога от того регентства отрешить»⁶. Правительницей на место Бирона с теми же полномочиями грудной младенец «назначил» свою мать Анну Леопольдовну. Отец царя был объявлен «императорским высочеством сопра-

вителем», генералиссимусом вооруженных сил России. Б. К. Миних был назначен первым министром, А. И. Остерман — генерал-адмиралом. А. М. Черкасский стал канцлером, М. Г. Головкин — вице-канцлером. Рядовые участники переворота получили награды и повышения.

Свержение регента не привело к сплочению правящей верхушки. Наоборот, исчезновение с политической сцены «нового Годунова» (так Бирон охарактеризован в манифесте 14 апреля 1741 г.), нагонявшего страх на всех более десятка лет, развязало руки многим при дворе. Оживилось Брауншвейгское семейство, надеявшееся закрепиться у власти. Если при Бироне осторожный Остерман избегал каких-либо явных демаршей, то теперь и он стал проявлять себя, выступив в роли постоянного советчика неопытной в делах правительницы. Как потом оказалось, главной целью его тонкой интриги было отстранение Миниха от власти и занятие первенствующих позиций при дворе. Союз Миниха, давнего и некогда верного сторонника Бирона, и Брауншвейгской фамилии не мог быть долговечным.

Человек прямолинейный и необычайно честолюбивый, Миних требовал для себя — в заслугу за совершенный «подвиг» — особых почестей и практически неограниченной власти. Став первым министром, он надеялся занять при Анне Леопольдовне место Бирона. Но сразу после переворота он опасно заболел, а когда в начале 1741 г. взялся за дела, то почувствовал, что упустил время и что его обошли, оттеснили от власти. Остерман сумел вернуть себе иностранные дела, Черкасский и Головкин получили внутреннее управление, а у Миниха, как и во времена Бирона, осталось только военное ведомство, да и здесь он оказался в подчинении у генералиссимуса Антона Ульриха. Между принцем и Минихом начались стычки. Пытаясь вернуть ускользавшую власть, Миних вступил в борьбу с Остерманом и Черкасским, чем вызвал недовольство правительницы. Поведение Миниха настораживало брауншвейгцев. Как писал Э. Финч, наиболее близкий ко двору Анны Леопольдовны дипломат, правительница говорила, что «арест бывшего регента вызван скорее расчетами личного честолюбия графа Миниха, чем его привязанностью к ее высочеству»; что она «не в силах... более выносить заносчивого характера фельдмаршала» и ей «известно непомерное честолюбие фельдмаршала, крайняя невоздержанность его характера и его слишком предприимчивый дух, не позволяющий на него положиться»⁷.

Здесь нельзя не заметить определенных реминисценций с челобитной арестованного Бирона, в которой он, ссыла-